

Этнопсихология и этнопедагогика

Виталий Шабельников

Демократизации Востока: психологические проблемы

Состояние общества и развитие личности

Взаимозависимость между процессами развития личности и состоянием общества для современной психологии является вполне признанным фактом. Влияние социально-политических событий на характер формирования личности и теоретически прогнозируемо, и фактически наблюдаемо. Менее представляемы психологические причины течения социально-политических процессов в ту или иную сторону.

Благодаря многолетней деятельности средств информации и пропагандистов демократизация нашего общества воспринята как неизбежность. Постепенно большинство убедилось, что жили мы плохо, тоталитарно и без свобод. Поняли, что демократия нужна и жить с ней будет лучше. Однако движение демократии по просторам СССР привело не только к расколу общества и распаду страны, но и к затяжным войнам.

Демократические преобразования и новые формы жизни

Распространение рыночно-демократической психологии и идеологии идет не только в странах бывшего СССР, но и в государствах Азии, Африки и Латинской Америки. Демократические преобразования и внедрение новых форм жизни в этих регионах закономерно обостряют здесь конфликт между старыми традиционными и новыми формами жизни. В нашем исследовании был выявлен ряд внутренних психологических механизмов сопротивления введению демократических форм жизни. Эти ме-

Изменение жизни под давлением демократических образцов и преобразований

ханизмы работают в обществе на уровне как отдельных индивидов, так и целостных социальных групп, жизнь и устойчивость которых связаны с «тоталитарными» формами жизни.

Изменение форм жизни под давлением демократических образцов и преобразований угрожает сломом и старым социальным структурам, и ряду внутрилличностных структур в психике индивидов. А это порождает не только сопротивление, но и активную агрессию. В условиях нарастающего давления демократических образцов Запада страны Востока и Юга нарастает угроза их ментального противостояния. Это не только становится препятствием распространению демократии, но и угрожает в XXI веке ростом войн и мировых конфликтов.

В основе современных форм и ценностей демократии лежат ментальные предпосылки, сформировавшиеся в ходе столетий европейской истории и развития прежде всего христианского мироощущения. Многие из этих предпосылок отсутствуют в ментальности народов Азии. В основе принципов демократии лежат идеи «свободы личности» и индивидуальной ответственности человека перед законом. Но принятие этих идей требует наличия механизмов индивидуальной психической самоорганизации и управления собственными действиями. В Европе и США эти психические механизмы развивались в течение столетий в ходе активного смешения народов и разрушения жестких этносоциальных структур, что способствовало выделению самостоятельной личности как индивидуального субъекта. Человекоподобный образ бога-творца, характерный для европейских религий, в обратной проекции может быть понят как стремление к богоподобному человеку. Идея демократических прав и свобод личности опирается сегодня на образ личности как свободного и ответственного субъекта. А этот образ есть воплощение христианской тысячелетней мечты о богоподобном человеке, выражение вектора стремления человека к слиянию своего образа с образом Бога как идеала развития личности.

Идеи свободной личности в Евразии

Движение идеи свободной личности на восток Евразии сталкивается с совершенно иной ментальностью и иной техникой организации действий человека. Индивид здесь плотно включен в социальные группы (семья, община) и строит свое поведение только внутри совместного действия целой группы. Действие организуется совсем не так, как у человека Европы или США, то есть не волей и замыслами индивида, а традицией и распределением функций субъекта деятельности на всю группу. Индивиды реально являются лишь соучастниками действий (трудо-

вых, семейных праздников и ритуалов и т.п.). Чаще всего никто не является личным организатором логики действия, а роль организатора выполняют жесткие связи между людьми в структуре группы, действующей как единый субъект, единый социальный организм.

Сильная роль внутригрупповых связей в построении действия создает особые трудности для распространения в восточных странах форм демократической культуры, идеологии и экономики. Представители западной цивилизации ожидают увидеть в связях между людьми и в их общении проявление взаимодействия индивидуальных субъектов, способных самостоятельно строить и перестраивать деятельность на основе своих договоренностей и оговоренных правил. В восточных же культурах традиционные связи между людьми обычно оказываются гораздо более сильным фактором построения действия, чем воля, сознание или желание индивидов. Можно сказать, что не люди выстраивают связи и отношения, а наоборот, индивиды формируются и организуются как компоненты связей и отношений внутри социальной группы. «Тоталитарность» восточных стран закреплена в устройстве социальных «сверх-организмов», управляющих поведением включенных в них индивидов.

Россия, распределенная между Востоком и Западом, всегда переживает внутреннюю борьбу как противостояние групп западной и восточной ориентации. Частичное стремление к «демократии» сопровождается сегодня уже не менее явным противостоянием ей. Вряд ли российский путь состоит в одностороннем движении в ту или иную сторону. Выбор своего пути предполагает обзор со всех сторон.

Рассматривая психологические причины противостояния народов центральной и восточной Азии внедрению в их жизнь форм и ценностей демократического Запада, следует видеть различия психологического статуса личности в организации деятельности. Именно различный психологический статус человека в деятельности выражен в разных ценностях, декларируемых в странах рыночного Запада и традиционного Востока.

Статус личности в организации деятельности характеризуется его внешними и внутренними моментами. Внешняя сторона статуса определяется участием человека в планировании и построении деятельности, его функцией в системе деятельности. У представителей западной культуры развито стремление становиться субъектом-организатором деятельности, естественно желание принимать на себя в деятельности наиболее значимые и ответственные функции. Многим кажется неперенным, что именно индивиды во всех случаях являются субъектами дея-

тельности и действий, в которых они участвуют. Но в восточных культурах субъектом деятельности чаще всего оказывается целостная группа; индивиды лишь активно соучаствуют в деятельности, выполняя в ней частичные роли (исполнителей, потребителей, координаторов, судей-оценщиков или объектов потребности). Эти роли распределены среди многих участников не произвольно, а на основании глубоких традиций, выражающих внутреннюю организацию социума. Группа действует как субъект, обладающий схемами организации деятельности, не принадлежащими ни одному из индивидов.

Внутренняя сторона психологического статуса формируется как психическое обеспечение адекватного функционирования человека в деятельности. Психические качества индивидов, системы их ценностей, мотивация и когнитивные способности формируются в соответствии с заданностью людям их функций. В процессе деятельности каждый человек вырабатывает устойчивый комплекс психофизиологических качеств, проявляющихся, в частности, и в политических симпатиях в ходе реформ. В восточных обществах гораздо менее значимы такие психологические качества как способность индивидуально планировать и организовывать свою деятельность, как наличие собственных программ жизни или ориентировка в политическом пространстве. Но особое значение имеет способность учитывать настроение и позиции партнера по совместной деятельности, изменять свою точку зрения на события в зависимости от мнения собеседника или от развития ситуации.

Стремление распространить демократические идеалы и способы жизни на новые территории неизбежно приводит к качественному реформированию там схем организации деятельности. При этом приведение структуры деятельности в соответствие с западными образцами кажется безусловным благом. Благодать эта определяется проекцией ценностей запада на восточные «тоталитарные» схемы жизни и восприятием восточных схем через психические установки западного человека. Но демократическая «благодать» всюду наталкивается на непонятное сопротивление, когда «реакционеры» получают массовую поддержку населения, не слишком стремящегося к преобразованиям. Насколько в этом сопротивлении проявляется инертность внутренней составляющей психологического статуса личности, усвоившей прежние деятельностные функции на уровне глубокой психофизиологической организации?

Говоря о ментальном противостоянии Запада и Востока, мы понимаем под Западом не только США и Европу, но и всю западную часть Евразии, включая западную Азию,

Демократические идеалы и
способы жизни

более охваченную идеями индивидуальной свободы личности, демократических преобразований и религиями с образом личностного Бога (иудаизм, христианство и частично ислам). Под Востоком мы имеем в виду страны Восточной Азии, несущие традиции иных религий и ценностей жизни. Например, не следует уравнивать российский и китайский коммунизм. При общности названий они имели разные основы ментальности, что создало им разное будущее. Русский коммунизм опирался на христианские ценности построения светлого будущего, на мотивы самореализации «великой личности» через разрушение и создание нового мира. Все это достаточно чуждо китайцам, воплощавшим в коммунизме конфуцианские ценности стабильного социума как единой семьи с покорностью и социальной опекой старших. Российские мотивы и сегодня проявили себя в разрушении коммунизма и построении еще одного варианта «светлого будущего». Китайцы же мало стремятся утверждать себя в истории через столь рискованные эксперименты.

Восточные религии и идея свободной личности

В восточных религиях отсутствие идеи свободной личности выразилось в практическом отсутствии образов человекоподобного Бога, в образах Дхармы и Дао как единой целостной энергии, создающей все, направляющей движение единого мира и управляющей человеком как пассивной песчинкой этого связанного мира. Идеи свободы личности, творческой самореализации и значимости прав индивида трудно совместимы с восточными механизмами организации совместной деятельности, где отдельный индивид обычно не только не стремится принять на себя роль самостоятельного субъекта деятельности, но подсознательно боится этой роли, с чувством страха и боли переживает угрозу разрыва связей с управляющим социальным субъектом.

Непонимание и неприятие демократического стиля жизни в странах Азии

Прямое распространение и внедрение идей и образцов демократического стиля жизни в страны Азии, и особенно в Китай, не только встречает сопротивление со стороны этих стран, но порождает угрозу стабильному миру в XXI веке. Если слабое воздействие образцов демократии порождает частое непонимание и молчаливое неприятие, то при усилении процесса демократизации восточных режимов возрастает сопротивление со стороны глубоких ментальных структур и социальных механизмов организации совместной деятельности. Все это сопровождается ростом агрессивности как отдельных индивидов, так и общества в целом. Эта агрессия создает сопротивление распространению демократии, а также проявляется как усиление противостояния восточных режимов Западу вплоть до роста военных конфликтов.

Можно говорить об общей зоне напряжения, которая в Евразии проходит по линии от Средиземного моря через Палестину, Боснию, Кавказ, Таджикистан, Афганистан и Пакистан к Индии и Китаю. По этой линии периодически проходят вспышки военных конфликтов. В другой форме линия напряжения опоясывает Китай с востока, проявляя себя во Вьетнаме, Камбодже, напряжениях вокруг Кореи. Линии конфликтов обозначают зоны наиболее активного внедрения западной демократизации в страны с иной ментальностью. Особенно явно вступают в противостояние Китай и США как носители крайне противостоящих ценностей и способов организации социальной деятельности. Агрессивность Китая по мере внедрения в его структуру демократических форм жизни будет усиливаться еще и в связи с плотностью его населения.

Мировой процесс «таяния»
социальных систем

В глобальной картине за этим можно видеть мировой процесс «таяния» социальных систем. Более популярными терминами являются «демократизация» и «этнические конфликты». Но в этих случаях мы видим один общий процесс. Европа пережила несколько столетий войн и революций, в течение которых разрушались многуровневые иерархические социальные системы, гарантировавшие каждому индивиду плотное включение в стабильные родовые или профессиональные группы, формировались принципы демократического самоуправления. При этом каждый индивид вынужден был вырабатывать собственные механизмы мотивации деятельности, учился самостоятельно планировать свою жизнь в непрерывно изменяющемся социальном пространстве.

Сегодня процессы демократизации социальных систем с переходом к западным рыночным отношениям проходят настолько широко, охватывая все новые страны, что по аналогии с физическими процессами их можно рассматривать как планетарное «таяние» социальных структур. В жидкости молекулы движутся по индивидуальным траекториям, что напоминает нам траектории индивидуальной западной деятельности, а в твердом веществе атомы сцеплены в кристаллы и не способны двигаться в отрыве от своей группы. Так и люди восточного общества все еще живут неотрывной частью семьи или общины, где деятельность организуется не индивидом, а распределением функций субъекта на целостную группу.

Свобода личности возможна
лишь при ослаблении семейно-
родовых связей и авторитарной
власти

Свобода личности, роль гражданских прав, избирательность власти, подчинение всех единым текстам законов и др. возможны лишь после ослабления семейно-родовых связей и авторитарности власти. Идеалы «свободы личности», «независимости», индивидуальности и пр. ценности

западной цивилизации явно направлены на разрушение зависимости человека от «кристаллической» организации жестких социосистем восточного типа. Демократизация реализует себя в разрушении традиционных социальных структур.

Западная и американская ментальности

В западной, особенно американской ментальности практически нет различия таких разных явлений как социальные «связи» и «контакты». Американское общество сформировалось путем слияния отдельных личностей или небольших групп людей. Устойчивость и организация этого общества основаны на сознательно принятых юридических законах и конституции, выраженной в тексте. Противостояние этих законов принципам поведения, определяемым психологическими традициями и связями отдельных социальных групп, обычно решается в пользу текстовых законов. Естественно, что такой механизм организации общества предполагает всемерное разрушение невербализованных принципов взаимодействия между людьми, диктуемых системами связей, определяющими логику взаимодействия людей традиционного общества. Это и создает «правовое общество», признающее лишь те социальные законы, которые зафиксированы в виде текстов, и склонное подавлять иные законы и принципы отношений там, где они противоречат текстам.

Однако одно дело, когда речь идет о социальных системах, собранных из отдельных личностей, уже выразивших в факте своей эмиграции мотив отрицания своего рода и этноса, о людях, принявших в качестве своей главной ценности «свободу личности» и протест против социального патронажа. Другое дело, когда мы видим общество, организованное на основе невербализованных принципов взаимодействия, на основе устойчивых связей, а не на контактах отдельных личностей.

Все страны усиливали свою агрессивность перед демократическими реформами

Анализ евразийской истории показывает, что все страны усиливали свою агрессивность перед демократическими реформами. Так было в Англии 17 в., во Франции 18 в., в Германии, в России и в Японии в 19-20 вв. Это можно объяснить двумя моментами. Во-первых, тем, что война, противопоставляя общество другим странам, сплачивает его. Социальная система, теряя свою структуру, стремится сохранить целостность, направляя свой народ против других систем. Это естественный механизм защиты целостности путем усиления границы противостояния и иммунитета к внешним влияниям. Второй причиной возрастания агрессивности является изначальная функция агрессии как способа расширения территорий и захвата новых ресурсов при ухудшении условий жизни или при исчерпании условий реализации привычных форм дея-

тельности. Истощение условий развертывания общественных функций индивидов и социальных групп обычно переживается как потеря смысла жизни и деятельности для целых слоев населения.

Самоагрессия общества
направлена на реорганизацию
традиционных форм жизни

Социальные реформы и революции – это самоагрессия общества, направленная на реорганизацию традиционных форм жизни и деятельности. Перестройка структуры деятельности требует изменения и психологических статусов индивидов, включенных в эту структуру. Это довольно болезненная процедура, предполагающая перестройку психофизиологической составляющей статуса личности. Поэтому далеко не во всех случаях неудовлетворенность ситуацией ведет к социальным реформам. Первичной формой выражения неудовлетворенности оказывается внешняя агрессия в виде войны с соседями. Она обеспечивает расширение поля реализации прежних схем деятельности, захват ресурсов и пространства. Не случайно реорганизацию социальных систем предваряет возрастание внешней агрессивности.

Внешняя агрессия и
самоагрессия личности

Переход от форм внешней агрессивности к самоагрессии – это важный момент в обеспечении реформирования как общества, так и психологической структуры личности. Именно готовность социальных и психических систем к самоагрессии и самоперестройке обеспечивает их мирное реформирование. Незрелость механизмов самоагрессии выражается либо в усилении внешней агрессивности субъектов деятельности (индивидов и социальных групп), либо в фактах жесткой и тотальной самоагрессии в форме самоубийства и пр.

Рассогласование этнических схем
организации деятельности

Процессы социального «таяния» столетиями проходили в Европе в виде размывания первичных родовых и этнических систем. Они провоцировались нарушением баланса с природой, ростом агрессивности, миграциями и смешением народов. В психологической сфере смешение народов вело к отчуждению личности от общества из-за рассогласования традиционных форм деятельности разных этносов. Ощущение несвободы и стремление к свободе личности могло возникнуть только при рассогласовании личностных и социальных ценностей и стереотипов деятельности. Рассогласование этнических схем организации деятельности привело к автономизации личности и формированию личностных механизмов этой организации. Индивид вынужден теперь сам осознавать логику своих действий, не надеясь более на общество как на устойчивого и целостного субъекта, способного организовывать деятельность на основе традиций и жестких межличностных связей.

В религии это выразилось в укреплении прямых связей человека с Богом, принявшем на себя роль управляющего

и прощающего отца, критикующего догматику общественных мифов и преследуемого сильными и жестокими носителями традиций. Соотнесение себя с человекоподобным Творцом стало для иудеев и христиан основанием для оценки творчества как одной из высших ценностей и способностей человека, выразилось в стремлении быть субъектом-организатором деятельности. Мотивы творчества проявились здесь и в преобразовании природы, и в социальных революциях, и в стремлении построить новый мир. В смыслах деятельности закрепилось стремление к творческому преобразованию и себя, и общества, и природы.

Восток не был склонен к
амбициям преобразования мира

Восток явно не был склонен к амбициям творческого преобразования мира. Ислам распространялся на восток по землям сухим, жестким и пустынным. Природа везде давала понять, что человек имеет мало возможностей сравниться с Богом в господстве над нею. Отсюда покорность и уважение к традиционным социальным системам, сумевшим адаптировать деятельность к сложной природе и обеспечить людям выживание. Подчиняться, а не реформировать – в этом ислам стал ближе к восточным религиям, далеким от идей разрушения и преобразования мира. Только сам человек может быть предметом преобразования. Все же природное требует уважительного и покорного приспособления. Только вместе и только терпеливым трудом можно выжить в сухих и суровых степях Азии. Свобода личности от общества грозит гибелью. Эксперименты над природой бессмысленны там, где условия выживания создаются трудом многих поколений.

Авторитарность в исламских
обществах традиционна

Механизмы авторитарности в исламских обществах гораздо более глубоки, чем это кажется внешне. Экономические успехи Турции и других исламских стран склоняют некоторых к приравниванию этих стран к демократическим странам Запада. Однако психологическое исследование заставляет признать, что прямого движения по западному образцу здесь быть не может. Независимо от того, являются ли люди религиозно верующими или нет, они получают при воспитании устойчивые психологические схемы разрешения конфликтов. А психотехника преодоления социальных напряжений у представителей исламского и христианского обществ существенно отличается.

Переход к демократическому обществу для узбеков, таджиков и других исламских народов Азии характеризуется рядом специфических проблем. В исламе заложены гораздо более сильные психологические механизмы защиты «жестких» авторитарных структур, чем в христианст-

ве. В традициях христианства, например, активно используются исповедь и покаяние. А это – процедуры формирования критического самосознания и перехода от внешней агрессии к самоагрессии. Христианство тысячи лет культивирует психотехнику исповеди и покаяния, что стало основой развития таких мягких форм самоагрессии как критическая рефлексия и умение свободно перестраивать взгляды и позиции в изменяющихся условиях. Все это необходимо для развития личности демократического типа, способной перестраиваться в ходе реформ. В исламе же отсутствие процедуры покаяния и исповеди соотносится с подсознательным запретом на изучение и обсуждение своей психологии, с признанием скрытности механизмов власти. Незрелость традиции самоагрессии общества приводит к тому, что социальные проблемы в исламских странах чаще решаются войной и выплеском внешней агрессии, чем совершенствованием своей деятельности и общественного устройства.

Образ Христа был примером демократического творения

Образ Христа, критиковавшего общественное устройство и ложные традиции народа, был примером демократического поведения. Иисус, нищий и свободный, – это образ, возбуждающий мечты о равенстве в обществе, о стремлении бедных к успеху и признанию. Отсутствие такого образа бога в исламской традиции качественно влияет и на всю психологию восточного человека. В исламе высок и почти абсолютен культ власти и старшего, этически запрещена критика «снизу». Какова же здесь готовность к принятию демократии?

Логика социальных стереотипов превращает человека в маргинала

Человек любой культуры ощущает растерянность и неуверенность в случае ломки социальной ситуации. При этих напряжениях роль поддержки семьи и дружеских связей очень сильна. Но христианский миф поддерживает человека образом идеальной семьи в виде Бога-сына и Богородицы. Христианская молитва создает человеку тесный, интимный контакт со святым семейством, что обеспечивает психотерапевтический эффект и некоторую независимость личности от влияния связей социального окружения. Русские, например, переживают кризис разрушения плотных социальных структур в своем патриархальном слое. Здесь особенно популярен культ матери-Богородицы – защитницы от бед и несчастий, заменяющей людям образ уходящей семьи, а также значимы иконы как наглядный и доступный для общенародного образ защитников.

У исламских народов, переживающих социальную ломку в бывшем СССР, принята иная психотехника индивидуального решения острых ситуаций. Здесь имеет место глубокая зависимость мнения, желания и действия че-

---

ловека от той группы, частью которой он является с момента своего рождения. Все проблемы решаются через опору на реальную семью или клан. Узбек, казах или чеченец гораздо более беззащитны вне семьи, чем русский или немец. Поэтому во всех случаях социальных напряжений возрастает роль кланового сплочения. Это не способствует преодолению авторитаризма и стремлению решить вопросы с опорой на юридические правила и законы. Неслучайно политические руководители Казахстана, Киргизии, Туркмении и Узбекистана сохраняют в своей политике значительный элемент авторитарности и опоры на клановые структуры. Любое превышение игры в демократические принципы грозит им потерей политической власти и приходом к власти новых жестких кланов.

Человек западной культуры
рождается дважды...

Человек западной культуры рождается как бы дважды: первый раз как ребенок, зависимый от тепла и любви семьи, а второй раз как личность, способная жить и действовать независимо. И первое, и второе рождение – это трудный отрыв с формированием механизмов автономного обеспечения организации деятельности, подобный вылету космического корабля в космос. Восток сохранил свои жесткие социальные структуры без того долгого и трудного разрушения, которое прошли уже почти «растаявшие» структуры Европы. Деятельность организована здесь так, что не требует второго рождения личности – отрыва человека от семьи и базовой социальной системы его происхождения. Подобно тому, как ребенок при угрозе ищет защиты в теле своей матери, человек жесткой системы ищет защиты в семье и у авторитарной власти. Поэтому базовые ценности людей значительно отличаются от ценностей, выдвигаемых на шите демократии. Основные патриархальные ценности – это защита дома и матери, детские привязанности, любовь к братьям и друзьям. Эти домашние ценности настолько выше ценностей свободы личности или подчинения официальным законам, что предпочтение демократических ценностей в ущерб общинным воспринимается как предательство и этическое преступление.

Неразвитость социальной самоагрессии приводит к тому, что жесткие системы стремятся разрешить все социальные напряжения только через внешнюю агрессию, не перестраивая схем жизни, власти и социального устройства. Отсутствие традиции и опыта мягкой самоагрессии в психологии жителей исламских стран приводит к тому, что людям часто легче погибнуть, чем изменить свою деятельность. Так, например, в Узбекистане некоторые исламские женщины, переживая нарушение ус-

«Жесткие» системы усиливаются при социальных катаклизмах

тойчивых семейных традиций, широко применяют акты самоубийства в форме самосожжения. В этом можно видеть способ жесткой протестующей самоагрессии. Косвенным самоубийством можно считать и длительную бесперспективную войну в Афганистане с гибелью большого числа людей вместо адекватной и рациональной общественной реформы.

И в России, и в исламских странах «жесткие» системы усиливают свою сплоченность при ухудшении условий жизни. Чем более человек «жесткой» системы ощущает неудобство и растерянность от жизни, тем в большей мере он ищет защиты в семье и клановых связях. В благоприятных условиях он еще допускает принятие демократии, свободы личности и индивидуализма. Но при ухудшении условий жизни растерянный человек быстро отказывается от этих взглядов.

«Жесткие» социальные системы формировались в истории для защиты территории и условий жизни общины. Их жизнеспособность обеспечивается их функцией защиты от противника и возрастает во всех случаях внешней угрозы. Анализ событий в Чечне показывает, что большой ошибкой Москвы было желание решить здесь конфликт путем войны. В условиях мирной экономики авторитарные родовые связи часто выглядят рудиментом, кажутся уже наивными и нежизнеспособными. Задолго до конфликта в Чечне я наблюдал жизнь чеченцев в селах Казахстана. Хотя это был один из наиболее «жестких» и авторитарных этносов на территории СССР, но в начале 80-х годов для многих молодых чеченцев жесткая родовая организация их семей казалась уже пережитком прошлого. Сегодня именно давление извне и военная угроза усилили значимость родовых ценностей и иерархий.

И федеральные силы Москвы для поддержки «патриотизма» и «боевого духа» своих солдат тоже использовали песни и статьи, где главной темой были «дом матери», «батяня-комбат», «братство солдат» и даже защита Москвы от нашествия террористов с Кавказа, то есть использовались привычные ценности «жестких» структур. Перспектива установления в Чечне демократического правового общества хотя и принималась сознательно, но мало кого согревала.

Коммунистическая идеология СССР при объединении разных этнических групп также опиралась на привычные для жестких систем ценности «братства», «товарищества», «единой семьи народов». Выступая общими для разных «жестких» систем, эти ценности способствовали мирному взаимодействию этносов. Сегодня привнесение демократических ценностей делается без учета особенно-

Русское общество исторически имеет двухуровневую организацию

стей авторитарной психологии и трудностей перехода к психологии нового типа.

В понимании логики перехода России от авторитарного к демократическому образцу мы должны видеть, что русское общество исторически имеет выраженную двухуровневую организацию. По всей России были распределены общинные местные образования, своеобразные для каждой области. Исторически эти образования складывались из крестьян-земледельцев, имели глубокие корни в сельской местности и сохраняли основы авторитарной психологии. Это «базовый» слой русского народа. Верхний слой общества возникал на основе российского дворянства и образованных жителей городов, порой теснее связанных с западной европейской культурой, чем с культурой русского крестьянства.

Россия всегда была относительно открыта для Запада. Она не отгорожена от него ни горами, ни пустынями. Но морозные и суровые территории не способствовали военным захватам и миграциям извне. Природные условия России требовали не противостояния индивидуалов, а общинной сплоченности и взаимной поддержки. Этим Россия всегда близка Востоку. Но Запад выплескивал в Россию свои энергичные «молекулы», несущие с собой новые идеи и формы управления. Рюрик и основатели христианства, Петр I и Екатерина II, марксисты конца 19-го и демократы конца 20-го – все привносили в Россию волны западного реформаторства. «Жидкий» слой русских возник большей частью из мигрантов, либо вошедших в русский этнос из других этносов, либо оторвавшихся от «кристаллов» русских общин. В физической аналогии мы не можем назвать русское общество ни «твердым», ни «жидким», но можем сравнить его с кучей мокрой соли или песка, где «кристаллы» жестких крестьянских общин соединяются в единый этнос подвижным «жидким» слоем общества (дворяне, интеллигенты, предприниматели).

Разные тенденции в отношении проблемы авторитарности или демократичности

Два слоя русского общества выражают разные тенденции в отношении проблемы авторитарности или демократичности. Потомки дворянского и городского слоя выработали у себя гораздо больше способности к личностной организации своей деятельности. Они раньше усвоили психологию, позволяющую им свободно мигрировать по стране, индивидуально строить свою жизнь. Они благосклоннее воспринимают культуру Запада, более остро понимают проблемы гражданских прав и свобод личности.

Сельские жители России исторически более авторитарны и склонны строить свои действия на основе не государ-

ственных законов, а личных эмоциональных связей и местных этических стереотипов. И сегодня жители сел и провинций составляют гораздо более сильную базу для реставрации коммунистического строя, чем жители больших городов России. Российские сельские структуры можно рассматривать как носителей более восточной психологии коллективного действия и общинного сознания, а городской и особенно интеллигентский слой – как носителей ценностей правового демократического сознания.

Парадокс, возникший в истории России

Однако парадокс состоит в том, что в истории России именно верхний дворянский и городской слой выполнял функции государственной службы и управления страной, а сельский крестьянский слой противостоял государству и власти. Поэтому за крестьянами закрепилась слава демократического противостояния верховной авторитарной власти и закону. Хотя государственной власти противопоставлялась здесь не свободная личность как носитель индивидуальной ответственности перед законом и правом, а воля авторитарной патриархальной общины, отрицающей законы государства ради общинных связей и мифов, интересов группы друзей-товарищей и традиционных форм жизни.

В революции 1917-20 годов энергия раскрепощения «жестких» общин привела к гражданской войне множества локальных общинных армий. Вначале большевики использовали эту энергию для разрушения старого государства. Но затем, создавая свое новое государство, они вынуждены были подавлять и разрушать патриархальные общины (лишая крестьян паспортов, расселяя их и создавая колхозы под жестким управлением государства). Особой формой разрушения сельских общин стали глобальные миграции населения на целинные земли, на «великие» стройки и пр.

Антигосударственная демократия в условиях России

Симпатии русских к антигосударственной демократии обычно используются руководителями России для поднятия своего авторитета в народе. Ленин отрицал всю прежнюю власть, Сталин расстреливал соратников Ленина, Хрущев отрицал Сталина, Брежнев – Хрущева, а Горбачев и Ельцин – свою прежнюю идеологию и коллег по партии КПСС. На короткое время это создает руководителям страны имидж борцов против власти (то есть «за народ»). Понимание свободы именно как «борьбы с законом» проявляется сегодня в России в мощном развитии криминального бизнеса, в уважении к личности, отрицающей государство. Здесь тоже действует психология «братство против закона», характерная для авторитарного слоя российского народа.

Мафии и криминальные группы существуют на культивации ценностей традиционных «жестких» систем

Проблемы криминального бизнеса актуальны практически для любой страны, делающей шаги к рыночной экономике. Мафии и криминальные группы существуют на культивации ценностей традиционных «жестких» систем. Естественно, что «жесткая» система не может мгновенно превратиться в нечто аморфное, живущее только по написанным юристами схемам и законам. Быстрое разрушение всякой тоталитарной структуры приводит к ее развалу на множество групп и группировок, внутри которых человек может найти утраченные страной функции социальной защиты, единения и взаимоподдержки. Каждая частная группа естественно конкурирует с другими, противопоставляя свою активность конкурентному окружению. Готовность людей опираться не на формальные «чужие» правила, а на свои межличностные связи ведет к противостоянию населения чуждому и равнодушному «не родному» демократическому обществу.

Капиталистическая экономика в принципе отменяет прямое и фанатическое следование общегосударственным идеалам. Такое глубокое и искреннее доверие существует только в родовом «жестком» обществе, где ценности и мифы не критикуются и не рефлексированы. Базовое доверие исключает необходимость записи законов в книги, их рефлексивное исследование. «Жесткие» системы основаны на любви и ясном делении «наши – не наши». Все это хорошо использовалось и социализмом. Капитализм же возник на фоне сомнения европейцев в идеалах церкви, порожден реформацией и протестантским разочарованием в святости общественных структур.

Демократическая личность – это довольно одинокое явление. Она самостоятельно выбирает свои позиции, строит планы и реализует их, опираясь не на симпатии группы, а на законы, выработанные и принятые кем-то, лично не связанным с нею. Чтобы стать такой индивидуально независимой единицей, люди проходят через подростковый кризис, разочаровываясь в том, что слышат от близких и от старших. Но еще долго затем они ищут опоры в друзьях и подростковых группах, помогающих им пережить и усвоить правила самостоятельности и противостояния другим. «Один за всех и все за одного» – это и мушкетерский, и подростковый, и криминальный принцип. Только через наращивание «брони» социальной независимости в группах товарищей человек теряет детскую потребность в опеке «жестких» групп.

Криминализация общества, формирование в нем группировок, живущих своими внутренними правилами – это неизбежный этап превращения авторитарного общества в демократическое. Длительность этого этапа зависит от степе-

Демократическая личность – редкое явление

ни разрушенности традиционных общинных связей и зависимости людей от получаемых от этих связей тепла и детерминации. Сегодня мы видим не только то, как нарастает криминализация в России и странах Азии, но и то, как она процветает в Латинской Америке. Европа шла к рыночной экономике столетиями, вырабатывая основы психологии независимой личности – более жесткой и устойчивой системы, чем «растаявшие» социальные субъекты. США испытали очень слабое сопротивление «жестких» систем индейских племен. Война итальянских, еврейских и «цветных» гангстерских групп в США выражала конкуренцию слабых «этнических осколков» и вряд ли может быть сравнима с последствиями распада таких систем как «тоталитарные» этносы Азии. Здесь переходный этап должен сопровождаться колоссальным разрушением гигантских суперсистем и может обернуться длительной и массовой криминализацией планеты.

